

На правах рукописи

Ван Цзяньлинь

**Выражение религиозных верований и практик в
наскальных изображениях
(на материалах религиозных традиций Северо-
Восточного Китая)**

Специальность 09.00.14 – философия религии и религиоведение

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Благовещенск – 2015

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» на кафедре религиоведения и истории факультета международных отношений.

Научный руководитель: **Забияко Андрей Павлович,**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Силантьева Маргарита Вениаминовна,**
доктор философских наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
(профессор кафедры философии факультета «Международное право»)

Барашков Виктор Владимирович,
кандидат философских наук,
ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г.Столетовых» (доцент кафедры философии и религиоведения гуманитарного института)

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»**

Защита состоится «22» марта 2016 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 501.001.09 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 («Шуваловский»), философский факультет, ауд. А-518.

С диссертацией можно ознакомиться:

- в читальном зале отдела диссертаций Фундаментальной библиотеки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, сектор «А», 8-й этаж, комн. 812.
- на официальном сайте диссертационных советов МГУ имени М.В.Ломоносова по адресу: <http://istina.msu.ru/dissertations/11655687/>

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Сквор

Скворцов Алексей Алексеевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Со времени открытия в конце XIX в. первых наскальных изображений всём мире ведутся их интенсивные поиски и интерпретации. Первые открытые в 1879 г. в Испании Марселино Санс де Саутуолой рисунки в пещере Альтамира вызвали бурные дискуссии по поводу самой возможности существования в эпоху древнекаменного века высоких образцов человеческого творчества. Характерно, что открытые в Альтамире изображения сразу же стали обсуждаться в контексте религиозного мировоззрения. Так, крупнейший французский археолог и антрополог Габриэль де Мортилье, эволюционист, занимавший антиклерикальные позиции, отрицал открытие в Альтамире, поскольку полагал, что на «доисторической» ступени развития человек ещё не обладал ни искусством, ни религией. Напротив, некоторые интересовавшиеся древнейшей историей теологи принимали палеолитическое творчество за доказательство вечности веры в Бога и религиозного культа.

В начале XX в. факт подлинности известных к тому времени пещерных изображений получил официальное подтверждение. Наскальные рисунки в дальнейшем были обнаружены не только в Западной Европе, но и на Урале, в Сибири, Монголии, Китае, Индии, Америке, Австралии и Африке, в других регионах; причём обнаружены они были не только в пещерах, но и на открытых скальных поверхностях. Признана датировка древнейших петроглифов эпохой верхнего палеолита и их связь с деятельностью человека ледникового периода. Установлено, что петроглифы создавались и функционировали в значительной мере в системе религиозного мировоззрения и культовых практик. Однако вплоть до настоящего времени многие проблемы географической локализации наскальных изображений, их связи с местными культурами и религиями, интерпретации семантики и прагматики петроглифов остаются малоизученными. В особенности это относится к петроглифам Северо-Восточного Китая (Дунбэя, Маньчжурии). Наскальные

изображения, религиозные верования и практики Северо-Восточного Китая составляют эмпирическую основу диссертационного исследования.

Степень исследованности проблемы. Результаты изучения проблемы выражения в наскальных изображениях религиозных верований и практик, с одной стороны, представлены во многих публикациях. С другой стороны, ряд важных теоретических аспектов и конкретных историко-культурных регионов, связанных с данной проблемой, мало затронуты научными исследованиями. Наскальные рисунки Северо-Восточного Китая и их связь с верованиями и религиозными культами региона до сих пор остаются слабоизученной областью научных исследований. В силу исторических причин, труднодоступности многих местностей этого огромного региона и иных факторов исследования религиозных традиций и петроглифов Маньчжурии велись медленными темпами. Исследования китайских учёных в области открытия, изучения и публикаций наскальных изображений Дунбэя отражены в книгах и статьях Ван Юйлана, Ван Янцзюня, Гэ Шанлиня, Дун Ваньлуня, Ли Фушуня, Тао Гана, Чжан Сижуня, Чжао Чжэньцзя, Чжэнь Чжаофу, Чжуан Хунянь и некоторых других. Среди этих публикаций систематичностью охвата материала отличаются работы Дун Ваньлуня и Гэ Шанлиня¹. Сжатый обзор и краткие религиозоведческие интерпретации китайских петроглифов были опубликованы в 2014 г. в англоязычном издании китайской исследовательницей Чжан Яша².

Не умаляя достоинств публикаций китайских авторов, отметим, что большинство публикации содержит очень приблизительные географические координаты памятников, высокую степень условности в реконструкции изображений, неточность и неполноту описаний композиций. Трактовки и датировки наскальных изображений слабо аргументированы не только

¹ Dong Wanlun. Heilongjiang liuyu yanhua beike yanjiu. – Haerbin: Heilongjiang jiaoyu chubanshe, 1998; Ge Shanlin. Zhongguo yanhua. – Guangzhou: Guangzhou luyou chubanshe, 2004.

² Yasha Zheng. Spirituality and Chinese Rock Art // Donna L. Gillette, Mavis Greer, Michele Helene Hayward, William Breen Murray, ed. Rock Art and Sacred Landscapes. – New York: Springer, 2014. – P. 85–102.

археологическими источниками, но и результатами сравнительных исследований петроглифов прилегающих территорий – Приамурья, Кореи, Забайкалья, Монголии. Религиоведческая интерпретация китайских исследователей опирается на историко-материалистический, марксистский подход. Этот подход позволяет во многих случаях адекватно понять семантику, прагматику, функции петроглифов в системе религиозной жизни обществ прошлого. Однако для изучения религиозных традиций и наскальных рисунков во всём многообразии их генезиса, развития и взаимодействия требуется более широкий спектр теоретических подходов. Всего в публикациях китайских учёных к 2012 г. упоминались 8–9 местонахождений с наскальными изображениями.

В российских и западных публикациях сведений о них практически нет за исключением материалов, опубликованных А.П. Забияко и автором диссертации.

С другой стороны, в российских и западных публикациях содержится большой объём сведений о петроглифах разных территорий, а главное, в них отражён огромный опыт интерпретации наскальных изображений, в том числе, и опыт религиоведческих трактовок. Взаимосвязь между наскальными изображениями и религией была чётко осознана уже в ходе первых дискуссий по поводу открытия петроглифов. Выше упоминались имена М. де Саутуолы и Г. де Мортилье. Под влиянием последнего долгое время не признавал подлинность петроглифов и их связь с древнейшими формами религиозной жизни другой ведущий французский археолог конца XIX – начала XX в. Э. Картальяк. Многие исследователи, в том числе немецкие, разделяли эту позицию. С другой стороны, в это время в дискуссию включились такие археологи, как Хуан Виланова и молодой археолог, католический священник Анри Брейль. Оба исходили из того, что наскальные рисунки выражают религиозные верования и практики.

Открытия и публикации А. Брейля в первой половине XX в. определяли основную линию интерпретации наскальных изображений. Сан священника

не мешал исследователю следовать строго научной, объективной трактовке петроглифов, их связи с ранними формами религиозных верований и обрядов. Религиоведческая интерпретация петроглифов Испании, Франции, других регионов мира была продолжена в трудах А. Леруа-Гурана³. В современных публикациях зарубежных учёных проблема взаимосвязи наскальных изображений и религии по-прежнему активно дискутируется, особенно в контексте идеи возникновения и функционирования древних петроглифов под влиянием шаманизма и шаманских практик вхождения в транс. Одним из основоположников «шаманской теории» наскальных изображений является видный французский археолог Жан Клотт⁴. Критике этой идеи посвящена книга, подготовленная крупными специалистами по шаманизму и наскальному искусству⁵. Одной из последних обобщающих работ на тему религиоведческой интерпретации петроглифов является коллективная монография «Наскальное искусство и священные места»⁶.

В России изучению петроглифов посвящена большая литература. Основы современных религиоведческих трактовок заложены в публикациях А.П. Окладникова. Большой вклад в развитие этой темы внесли труды З.А. Абрамовой, А.П. Деревянко, В.Д. Кубарева, В.Е. Ларичева, А.И. Мазина, В.Б. Мириманова, В.И. Молодина, А.Д. Столяра, А.А. Формозова, Я.А. Шера и многих других археологов, этнографов. Крупным обобщающим вкладом в тему является монография Е.Г. Дэвлет и М.А. Дэвлет⁷.

В понимание связанных с темой диссертационного исследования проблем теории религиоведения, взаимоотношений религии и искусства внесли публикации отечественных специалистов-религиоведов и искусствоведов – В.С. Глаголева, В.Б. Мириманова, С.А. Токарева, С.М.

³ Leroi-Gourhan A. Les religions de la Préhistoire. – Paris, 1964; Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidental. – Paris, 1965.

⁴ Clottes Jean, Lewis-Williams David. Les chamanes de la préhistoire. Transe et magie dans les grottes ornées. – Paris, 2001.

⁵ The Concept of shamanism: uses and abuses. – Budapest, 2001.

⁶ Rock Art and Sacred Landscapes. – New York, Springer, 2014.

⁷ Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М., Алетейя, 2005.

Широкогорова, Д.М. Угриновича, И.Н. Яблокова, Е.Г. Яковлева, ряда других. Философские аспекты темы широко представлены в публикациях, посвящённых, прежде всего, символизму и символическому сознанию, – в трудах М. Гodelье, Э. Кассирера, К. Леви-Строса, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского, многих других мыслителей.

Эмпирические источники исследования. Публикации китайских учёных стали отправной точкой наших исследований петроглифов Северо-Восточного Китая⁸. В 2012–2014 гг. автор диссертации совместно с научным руководителем осуществил несколько экспедиций по территории Дунбэя. В результате полевых исследований были обследованы ранее известные памятники наскального искусства и обнаружены новые. Обследование ранее известных памятников сопровождалось обнаружением новых данных как по поводу наскальных изображений, так и в отношении других важных характеристик петроглифических комплексов. В итоге мы приводим в диссертации сведения о 18 памятниках. Более половины из них ранее не были известны специалистам и не представлены в научных публикациях. Частично эмпирические данные представлены в Приложении. Вся совокупность эмпирических сведений представлена в монографии: Наскальные изображения Северо-Восточного Китая. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 2015. – 35,35 п.л. (в соавторстве с А.П. Забияко).

Теоретические источники исследования, методология. В основу религиозно-исторической интерпретации наскальных изображений, в том числе, Северо-Восточного Китая, их взаимосвязи с религиозными традициями положены концепции российских и китайских исследователей (А.П. Окладникова, А.П. Забияко, Гэ Шанлиня, Чжан Яша, др.), западных учёных (А. Брейля, А. Леруа-Гурана, М. Гodelье, А.-П. Франкфора, др.). В ходе работы автор придерживался общенаучных принципов историзма, научной объективности и системности. В целом методология диссертации имеет комплексный характер. Прежде всего, автор следовал методологии

⁸ Ван Цзяньлинь, Забияко А.П. Петроглифы Северо-Восточного Китая в контексте социальной и религиозной истории региона // Религиоведение. – №. 4. – 2012. – С. 3–19.

сравнительного религиоведения. В соответствии задачами, поставленными в диссертационном исследовании, были использованы методы исторической реконструкции, каузального, историко-генетического и сравнительно-исторического анализа и ряд других, которые в комплексе позволили осуществить религиоведческое исследование наскальных изображений Северо-Восточного Китая.

Объектом данной работы являются наскальные изображения в контексте религиозных традиций, прежде всего, Северо-Восточного Китая.

Предметом работы является экспликация религиозного содержания и функций наскальных изображений (преимущественно, Северо-Восточного Китая).

Цель работы – выявить на материалах Северо-Восточного Китая религиозное содержание и функции наскальных изображений.

Задачи исследования:

- 1) на основе изучения петроглифов Северо-Восточного Китая ввести в научный оборот малоизученные и новые данные о наскальных изображениях;
- 2) установить связь петроглифов и религиозных традиций;
- 3) эксплицировать религиозное содержание петроглифов;
- 4) определить место петроглифов в системе религиозных верований и практик, выявить функции наскальных изображений в данной системе;
- 5) представить обоснованные религиоведческие интерпретации семантики образов и сюжетов наскальных композиций.

Новизна диссертационного исследования. Диссертация является первым в российском религиоведении исследованием, посвященным комплексному изучению наскальных изображений, прежде всего, Северо-Восточного Китая и их религиоведческой интерпретации:

1. Введены в научный оборот полученные в процессе полевых исследований малоизученные и новые данные о наскальных изображениях Северо-Восточного Китая.

2. Установлена сущностная связь между наскальными композициями и религиозными традициями народов Северо-Восточного Китая.

3. Выявлено религиозное содержание образов и сюжетов наскальных изображений.

4. Определены место и функции петроглифов в системе религиозных верований и практик.

5. Представлены обоснованные религиоведческие интерпретации петроглифов Северо-Восточного Китая.

Положения, выносимые на защиту.

1. Наскальные изображения являются знаками и текстами, запечатлевшими наследие архаических культур и религий. На территории Северо-Восточного Китая существует не менее 18 древних и средневековых петроглифических комплексов, которые дают ценный фактически материал для изучения религиозных традиций.

2. Генезис, существование и функционирование петроглифов тесно связаны с религиозными верованиями и практиками, прежде всего, с анимизмом, зоолатрией, астролатрией, культом предков, почитанием мужской и женской силы деторождения, фаллическим культом и другими ранними формами религии. Важное значение имеет связь петроглифов Северо-Восточного Китая с шаманизмом.

3. Образы и сюжеты наскальных изображений выражают, прежде всего, архаические религиозные представления о сверхчеловеческих существах, духах, первопредках, явленных в зооморфном, антропоморфном или ином облике. Эти пребывающие в ином мире сверхчеловеческие существа представлены в земном мире своими изображениями на скалах. С такими сверхчеловеческими существами сопряжены в архаических верованиях повествования об их действиях, от которых зависят жизнь людей и животных, природные процессы. Такого рода повествования принято называть архаической мифологией. Архаические мифологические повествования образуют сюжеты наскальных композиций. На наскальных

композициях Северо-Восточного Китая зафиксированы мифологические сюжеты брачного союза женского и мужского начал (иерогамии), противоборства необыкновенных животных, охоты, приручения оленей и другие.

4. Наскальные композиции и прилегающее к ним пространство являлись родоплеменными святилищами и выполняли функцию культовых центров. Вплоть до настоящего времени рядом со многими наскальными рисунками присутствуют следы ритуальных жертвенных практик – древних и современных. Антропоморфные и зооморфные образы наскальных изображений выступали в качестве священных образов и выполняли функцию репрезентации, визуализации тех существ, которые являлись объектом религиозного почитания. Культовые практики, связанные с зоо- и антропоморфными образами петроглифов, выражали себя в гендерных обрядах репродуктивной магии, обрядах промысловой магии и культа предков, инициациях, а также в социальных ритуалах, смысловым содержанием которых выступали идеи семейного единства, родовой идентичности и групповой солидарности.

5. Наскальные изображения в виде крестов, точек, окружностей, прямоугольников и других геометрических фигур в своём большинстве тоже содержали религиозную семантику и выступали в качестве священных символов солнца, звёзд, неба, особых локусов земного пространства и т.д. С ними были сопряжены культовые практики почитания небесных светил (астролатрия) и других важных объектов, составлявших архаическую картину мира.

6. Наскальные изображения Северо-Восточного Китая являются для религиоведения важным источником изучения верований и практик народов, проживавших в данном регионе в древности и средневековье.

Практическая значимость диссертации. Материалы диссертации могут быть использованы в учебных курсах по истории религии, истории религиозного искусства для студентов гуманитарных специальностей

высших учебных заведений. Они также могут найти применение при организации научных проектов по изучению религиозной истории и в целях сохранения культурного наследия.

Апробация диссертации. Основные положения и выводы диссертации апробированы, прежде всего, в виде докладов на *международных научных конференциях*: 1) X конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом контексте» (2012), тема «Взаимосвязь петроглифов Северо-Восточного Китая в интерпретации китайских исследователей»; 2) «Образовательное пространство России: современные проблемы взаимодействия языков и культур» (2012), тема «Древняя религиозная культура и искусство в Северо-Восточном Китае. Петроглифы Сяньжэньдун»; 3) «Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона» (2013), тема «Петроглифы Северо-восточного Китая как источник реконструкции религиозных верований»; 4) «Даосское письменное наследие: проблемы изучения и истолкования текстов даосизма» (2013), тема «Петроглифы хошуна Элончунь (Внутренняя Монголия)»; 5) «Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества» (2013), тема «Петроглифы Северо-востока Китая и культурное наследие народов Дальнего Востока»; 6) «Региональная культура: проблемы и перспективы развития межкультурных связей, туризма и экскурсионной деятельности» (2013), тема «Петроглифы Северо-Восточного Китая как объекты научного туризма»; 7) «III конференция по истории Северо-Восточной Китая» (КНР, Далянь, 2014), тема «Наскальные изображения как источник изучения кочевых народов Северо-Восточного Китая»; на *российских научных конференциях*: 8) «Религиоведение в контексте дальневосточного фронта» (2011), тема «Изучение петроглифов бассейна р. Амур».

Структура диссертации включает в себя введение, три главы, заключение, библиографию (162 наименования), приложение (36 иллюстраций). Объем диссертации – 198 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее изученности, определяются объект и предмет исследования, цели и задачи исследования, характеризуются эмпирическая база, методологические основы и методы исследования, обосновывается научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, научно-практическая значимость и апробация исследования.

Первая глава «Методология интерпретации наскальных изображений» посвящена экспликации понятийного аппарата и теоретических основ диссертации. Важное место в ней занимает систематизация и обобщение научного опыта российских и зарубежных исследований петроглифов.

В *первом параграфе* «Экспликация основных понятий: петроглифы, святилище, иерографические культовые комплексы» определены основные понятия, которые используются в гуманитарных науках (археологии, истории, искусствоведении, религиоведении, др.) для описания наскальных изображений. Уточнен смысл данных понятий в контексте религиоведческих исследований. Важнейшие для диссертации понятия «петроглиф», «наскальное изображение» автор понимает и использует в следующей трактовке: *петроглиф* – это созданный на каменной поверхности образ, возникший и функционирующий в качестве визуализации религиозных представлений; будучи визуализацией религиозных представления, петроглиф является культовым изображением.

Во *втором параграфе* «Основные зарубежные теоретические подходы к интерпретации петроглифов» проанализированы теоретические основы зарубежных, прежде всего, западноевропейских исследований, посвящённых пониманию наскальных изображений. Автор останавливается на дискуссии, которая возникла на первом этапе изучения наскальных изображений по поводу их отношения к религии. Ряд ведущих специалистов в конце XIX – начале XX в. отрицали связь наскальных изображений с религией, утверждая, что они являются результатом эстетической деятельности

древнего человека, выражением его художественного творчества. Однако в первой пол. XX в. благодаря трактовкам А. Брейля и ряда исследователей постепенно утвердились «магическая» и «тотемистическая» теории, опирающиеся на идею тесной связи петроглифов и религии. В параграфе характеризуются теоретические подходы ведущих китайских исследователей наскальных рисунков. Автор обращает внимание на то, что вплоть до настоящего времени в археологии, антропологии, религиоведении продолжают возникать и развиваться новые методологические подходы к трактовке петроглифов (например, «шаманская теория» Ж. Клотта).

В *третьем параграфе* «Религиоведческая интерпретация петроглифов в российской науке: методология А.П. Окладникова» основное внимание уделяется осмыслению российского опыта изучения наскальных изображений и их взаимоотношений с религией. Автор обосновывает мысль о том, что основы этого опыта составляют труды академика А.П. Окладникова. А.П. Окладников исходил из того, что существует тесная связь петроглифов, художественного творчества и религией народов, в культуре которых существовала традиция создания наскальных рисунков. При этом А.П. Окладников не преувеличивал эту связь, указывая также на социально-экономические, политические или эстетические факторы возникновения и функционирования петроглифов. Автор разделяет позицию А.П. Забияко, согласно которой «религиозные побудительные мотивы происхождения и бытования наскальных изображений выступали в его трактовках зачастую в качестве неустранимо присутствующих»; а также согласен с тем, что «исследования А.П. Окладникова внесли большой вклад в понимание взаимосвязи древнего наскального искусства и религии. Эмпирический и теоретический материал этих исследований до сих пор сохраняет первостепенное значение и не утрачивает научной актуальности»⁹. Опыт

⁹ Забияко А.П. Методология интерпретации наскальных изображений: религиоведческое наследие А.П. Окладникова // Религиоведение. – №. 3. – 2014. – С. 183.

религиоведческих трактовок А.П. Окладниковым во многом определяет содержание диссертационного исследования.

Вторая глава «Исторические, антропологические и социокультурные условия возникновения и существования петроглифов Северо-Восточного Китая» посвящена изучению объективных условий, в которых развивались наскальные изображения и религиозные традиции.

В *первом параграфе* «Ландшафтно-климатические особенности Северо-Восточного Китая» описываются природные условия, в которых происходило возникновение и развитие человека, этнических групп и культуры данного региона Евразии. Основной вывод этой части диссертации заключается в том, что ландшафт, природные ресурсы и климатические условия региона заключали в себе широкие возможности для существования человека, ведения как присваивающего хозяйства (охоты, собирательства), так и производящего – земледелия и животноводства.

Во *втором параграфе* «Антропогенез и культурогенез» реконструируются антропологические процессы и генезис, эволюция культуры в Северо-Восточном Китае. Согласно современным археологически и антропологическим исследованиям, Северо-Восточный Китай относится к одному из древнейших очагов антропогенеза и культурогенеза. Китайские, российские учёные допускают возможность преемственного развития на территории Китая двух типов *Homo* – *Homo erectus* и *Homo sapiens*. К одним из наиболее ранних следов присутствия человека относится стоянка Мяохоушань в уезде Бэнси провинции Ляонин. Здесь в 1978 г. археологами обнаружены два окаменелых зуба: возраст одного не менее 500–400 тыс. лет, другого около 300–200 тыс. лет. Эти находки сопровождали артефакты из камня, а также очаг, обугленные кости животных, свидетельствующие об устойчивом использовании мяохоушаньским человеком огня и обработанной на костре пищи¹⁰. Начало

¹⁰ Wan Yulang. Shenmi de dounbei lishi yu wenhua. – Harbin, Harbin renmin chubanshi, 2011. – P. 2.

верхнего палеолита датируется в Северо-Восточном Китае временем около 45 тыс. л.н. Неолит Дунбэя датируется временем от около 8 тыс. до н.э. до 3 тыс. до н.э. В настоящее время здесь обнаружено более 1 тыс. неолитических памятников. В значительной части они сосредоточены в долине реки Ляо, где существовали благоприятные условия для перехода к производящим видам хозяйства. На севере и северо-востоке неолитические культуры Дунбэя соприкасались и взаимодействовали с культурами Забайкалья, Приамурья и Приморья, с некоторыми из которых они имеют, особенно в поздний период, общие черты. На своих западных рубежах некоторые культуры Дунбэя контактировали с неолитическими культурами, воспринявшими внушительное наследие центральноазиатской, монгольской архаики. В особенности широкими и важными контактами для развития не только местных, но и некоторых общецивилизационных процессов в Китае обладала культура *хуншань* (около 4,5–3 тыс. до н.э.). Неолит северо-западной части Дунбэя (район Хулуьбэя) представлен, прежде всего, памятники культуры *хакэ*, расположенными в бассейне реки Хайлар. Ныне известны более 240 памятников культуры *хакэ*, которые датируются временем 6–4 тыс. л.н.

Важно, что, будучи в своей основе автохтонными, неолитические культуры Дунбэя, оседлые и кочевые, не были узколокальными образованиями. Так, в ходе раскопок поселений *хакэ* археологами обнаружены нефритовые ритуальные предметы. Изготовление ритуальных предметов из нефрита, культ нефрита сближают культуру *хакэ* с культурой *хуншань*. Некоторые исследователи не без основания усматривают близость этих культур не только в религиозных традициях, но и в других аспектах существования. Это одно из свидетельств связи культур древнего Хулуьбэя с неолитическими культурами южной части Дунбэя. На протяжении своего развития они взаимодействовали с разными сопредельными культурами, некоторые из которых обладали развитыми традициями. Эта тенденция взаимовлияния по осям юг–север и восток–запад сохранялась в последующие исторические эпохи.

В *третьем параграфе* «Этногенез и религиогенез на территории Северо-Восточного Китая. Формирование основ религиозных традиций» основное внимание уделяется установлению процессов этнического развития, миграций, культурных контактов в исследуемом регионе, а также выявлению исторических форм религиозной жизни народов Дунбэя. Установлено, что этнический состав Дунбэя развивался, с одной стороны, на уходящей в палеолитическую древность автохтонной основе, а с другой стороны, под влиянием периодических внешних экспансий или миграций местных групп на новые территории. На всём протяжении истории тихоокеанские монголоиды соприкасались в Северо-Восточном Китае с континентальными монголоидами, представленными здесь такими группами, как хэчжэ, орочоны, эвенки, а также монголами Внутренней Монголии. Населению Дунбэя были свойственны заметные общие этнокультурные особенности, отличавшие его от соседей, например, от носителей культуры *янишао*. Они, несомненно, были следствием развивавшегося на протяжении тысячелетий процесса смешения, гибридизации проживавших здесь этнических групп. Важно, что с середины II тыс. до н.э. на западных рубежах той области, которую мы сейчас называем Северо-Восточным Китаем, начинают появляться европеоидные, индоевропейские этнические общности иранского происхождения. Они оказали заметное воздействие на протомонгольские и протокитайские группы населения пограничных районов.

Духовной жизни представителей неолитических культур Северо-Восточного Китая были знакомы религиозно-мифологические представления, материализованные, например, в погребальных сооружениях и инвентаре, орнаментах керамических сосудов, атрибутике для гадательных практик, скульптурных керамических и резных из камня изображениях зооморфного, антропоморфного и фантастического облика. Они свидетельствуют о зарождении и развитии основанной на идее инобытия религиозной культуры, которая на данной стадии включал в свой состав ранние формы анимизма, зоолатрию, солярный культ (шире – астролатрию),

магию, мантику, обряды жизненного цикла. В памятниках культуры *хакэ* археологами обнаружены нефритовые кольца, топоры, мотыги, которые имели ритуальное предназначение. Нефритовые мотыги выступали важным атрибутом аграрного культа – магических обрядов, направленных на обеспечение плодородия земли и богатого урожая.

Большое значение в религиозной жизни народов Дунбэя уже на ранней ступени развития имел шаманизм, история которого в этом регионе насчитывает около 5 тыс. лет. Здесь в своём развитии шаманизм приобрёл зрелые формы. Он в значительной мере определял многие стороны не только религиозных верований и практик народов Северо-Восточного Китая, но также их образ жизни, фольклор, изобразительное творчество и ряд других важных аспектов культуры.

В дальнейшем религиозная культура Маньчжурии эволюционировала – в неё начали включаться разные школы буддизма, а также собственно китайские (ханьские) религиозные верования и учения.

Т.о., на протяжении десятков тысяч лет северо-восток Китая был одним из важнейших очагов антропогенеза, ареалом формирования культур и народов, сыгравших крупную роль в истории Восточной и Центральной Азии. Генезис религии здесь имеет глубокие местные корни, а её развитие сопряжено с взаимодействием автохтонных и аллохтонных традиций. В силу этого религия народов Северо-Восточного Китая на протяжении длительного времени сочетала черты архаичности и синкретизма.

Третья глава «Интерпретация типов наскальных изображений в контексте религиозных традиций Северо-Восточного Китая» посвящена изучению наскальных изображений, выбитых на каменной поверхности и нарисованных на ней краской с точки зрения их религиозного содержания и функционирования. В главе диссертации представлены сведения о 18 памятниках: 1) Цзяолаохэдао, 2) Анняни, 3) Луминшань, 4) Гасяньдун, 5) Тяньшулинь, 6) Шэньчжифэн, 7) Лунтоушань, 8) Шэньсяньдун, 9) Дусюфэн, 10) Дунмацзуншань, 11) Цюньли, 12) Юйшань, 13) Якоу, 14) Шицзяншань,

15) Сянлушань, 16) Юйфошань, 17) Сяньшэньдун, 18) Дахэйшань. Более половины из них ранее не были известны специалистам и не представлены в научных публикациях. Изучение памятников Северо-Восточного Китая проведено в широком сравнительном контексте. К сравнению привлечены многочисленные материалы наскальных изображений Приамурья, Якутии, Забайкалья, Монголии и ряда других территорий, на которых находятся древние и средневековые петроглифы.

На основе изучения петроглифов Дунбэя, их сравнения с другими наскальными изображениями в главе представлены основные тенденции возникновения, существования и функционирования петроглифов в качестве выражения важных сторон религиозных верований и практик. Отмечается, что генезис, существование и функционирование петроглифов тесно связаны с религиозными верованиями и практиками, прежде всего, с анимизмом, зоолатрией, астролатрией, культом предков, почитанием мужской и женской силы деторождения, фаллическим культом и другими ранними формами религии. Важное значение имеет связь петроглифов Северо-Восточного Китая с шаманизмом. Так, например, петроглифы Дахэйшань, изображающие личины, запечатлели, прежде всего, образы шаманских масок. Ритуальное использование масок – одна из наиболее широко распространенных архаических традиций. В ходе ритуального действия некоторые участники надевали такие маски и изображали явившихся к людям богов, духов или предков. Большое значение маска имела в шаманских и колдовских практиках: дух маски входил в надевшего маску человека, и он «превращался» в другое существо, более могущественное. В шаманизме Северо-Восточной Азии маски широко использовались, о чём хорошо известно по этнографическим источникам и археологическим данным. Важным дополнением к вариантам интерпретации личин является представленная в диссертации концепция, согласно которой, некоторые из личин являются изображением мертвой головы или черепа. Известно, что почитание черепов животных или людей является очень древней

религиозной практикой, которая уходит корнями в эпоху палеолита. Нельзя исключать, что личины Дахэйшань, а также личины многих других памятников Евразии тоже сопряжены в своём возникновении и функционировании с религиозным культом головы или черепа.

«Рогатость» многих изображений Северо-Восточного Китая соотносится с широко известной традицией наскального искусства Урала, Томи, Ангары, Лены, Монголии, Забайкалья и Приамурья. Датируется эта стилистическая особенность по-разному: от палеолита до средневековья. Рогатые фигуры наскальных рисунков нередко связаны с шаманскими образами и сюжетами. Известно, что головные уборы шаманов сибирских народов часто были украшены рогами или перьями. У тунгусов рога животных или их металлические подоби́я были типичным атрибутом «шаманской короны».

В содержании главы развивается идея, согласно которой образы и сюжеты наскальных изображений выражают, прежде всего, архаические религиозные представления о сверхчеловеческих существах, духах, первопредках, явленных в зооморфном, антропоморфном или ином облике. Эти пребывающие в ином мире сверхчеловеческие существа представлены в земном мире своими изображениями на скалах. Архаические мифологические повествования образуют сюжеты многих наскальных композиций. На наскальных композициях Северо-Восточного Китая зафиксированы мифологические сюжеты брачного союза женского и мужского начал (иерогамии), противоборства необыкновенных животных, охоты, приручения оленей и другие. Так, общий замысел композиции петроглифов Тяньшулинь заключается в идее рождения и родства, берущего начало от женщины. Женская фигура символически воссоздаёт образ роженицы, прародительницы, Великой Матери. Смысловые акценты образа матери-прародительницы выражены характерной позой рожавшей женщины и гипертрофированным признаком женского пола. В символической форме образ роженицы выражал идею порождающего жизнь женского начала и был средоточием женских культов. Культовые практики, отражением которых

выступали эти наскальные рисунки, заключались, прежде всего, в обрядах репродуктивной магии, направленных на усиление детородных способностей женщин. Сходным образом могут быть интерпретированы наскальные изображения, выполненные в форме круглых углублений, – символа детородного женского органа.

Фаллический мужской персонаж многих композиции – образ столь же типический, что и образ женщины-прародительницы. Образ фаллоса является главным объектом почитания в фаллическом культе. Фаллический культ – это религиозные верования и практики, тип гендерных верований и практик, основанных на почитании мужской репродуктивной силы, явленной в образе полового органа, фаллоса. Мужская детородная способность становится в фаллическом культе главным объектом сакрализации, а репрезентирующий ее мужской детородный орган, фаллос – важнейшим сакральным образом. На наскальных рисунках фаллические персонажи представлены почти повсеместно, в том числе, на многих петроглифах Северо-Восточного Китая. Парный образ наскальных рисунков Дунмацзуншань и многих других памятников с большой долей вероятности связан с типичной для древних культур мифологемой священного брака.

Антропоморфные фигуры наскальных рисунков во многих случаях могут изображать культурных героев. Лук в руках мужского существа, представленного на скалах Дунмацзуншань, может служить указанием на то, что на рисунке запечатлён предок, впервые смастеривший лук и научивший людей им пользоваться, – культурный герой. Возможны и другие толкования образа лучника, согласующиеся с распространёнными на Дальнем Востоке и прилегающих территориях мифологическими, фольклорными сюжетами. Например, с повествованиями о чудесном стрелке, устранившем лишнее солнце (два солнца) или совершившем с помощью лука иные необыкновенные деяния. Ярким примером такого героя-стрелка местного фольклора является храбрый Гасянь, прогнавший злого духа Маньгая за

пределы Большого Хингана. Повествование о нём изложено в нашей диссертации в разделе, посвящённом петроглифам пещеры Гасяньдун.

Идейная доминанта петроглифов ряда памятников (Сянлушань и др.) задана зооморфными образами копытных животных – оленя и козла. Несомненно, что в прошлом эти животные в большом количестве обитали на заросших густым кустарником склонах гор и в долинах, до сих пор сохранивших местами лесной покров. Возможно, образы оленей и козлов были связаны с охотничьей магией и являлись визуализацией духов – хозяев животного мира. Отсутствие фигур охотников и сцен охоты может ставить под сомнение такую трактовку, хотя полностью ей не противоречит. Образы оленей и козлов могут иметь связь с космологическими религиозно-мифологическими представлениями, выступая в качестве символов небесных светил или спутников небесных духов (богов). В социальном аспекте религиозно-мифологических воззрений образы оленей и козлов могут представлять тотемных предков или символизировать родовое, племенное единение. Все эти варианты символических значений образов оленей и козлов выявлены и описаны на материалах исследований наскальных изображений Центральной и Северо-Восточной Азии.

Таким образом, антропоморфные и зооморфные образы наскальных изображений выступали в качестве священных образов и выполняли функцию репрезентации, визуализации тех существ, которые являлись объектом религиозного почитания. Культовые практики, связанные с зоо- и антропоморфными образами петроглифов, заключались в гендерных обрядах репродуктивной магии, обрядах промысловой магии и культа предков, инициациях, а также в социальных ритуалах, смысловым содержанием которых выступали идеи родовой идентичности и групповой солидарности.

Наскальные изображения в виде крестов, точек, окружностей, прямоугольников и других геометрических фигур в своём большинстве тоже содержали религиозную семантику и выступали в качестве священных символов солнца, звёзд, неба, особых локусов земного пространства и т.д. С

ними были сопряжены культовые практики почитания небесных светил (астролатрия) и других важных объектов, составлявших архаическую картину мира. Так, круг с вписанным крестом – типичный образ древних наскальных и иных изображений. В культурах востока Азии круг с вписанным крестом в символической форме может обозначать солнце, окружающий мир с четырьмя сторонами света, шаманский бубен, колесо. В каждом случае этот многозначный образ имеет, помимо основного смысла, широкий спектр переносных значений и ассоциаций, обусловленных конкретными особенностями этнических культур. Графически сложный образ круга с «лучами-отростками» и вписанным крестом или антропоморфной фигурой может представлять собой вариацию тамги – знаков, которые, согласно А.П. Окладникову, являлись символами единства древних родов и племён, служили их обозначением.

Наскальные композиции и прилегающее к ним пространство являлись родоплеменными святилищами и выполняли функцию культовых центров. Вплоть до настоящего времени рядом со многими наскальными рисунками присутствуют следы ритуальных жертвенных практик – древних и современных. Наиболее отчётливо признаки традиционных жертвенных практик зафиксированы на памятниках Анняни, Дунмацзуншань и других.

В **«Заключении»** отмечается, что в целом, изучение петроглифов Маньчжурии является необходимым этапом комплексного понимания хронологии, стилей, семантики, функций и других аспектов наскальных изображений, а также истории и культуры евразийского континента. Исследование наскальных рисунков вносит существенный вклад в понимание общих взаимосвязей архаического изобразительного творчества и религии.

В **«Приложении»** приведены 36 иллюстраций, которые репрезентируют наиболее характерные и информативные фрагменты описанных в диссертации наскальных изображений.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Основные положения диссертации отражены в 9 статьях и монографии.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для обнародования результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Ван Цзяньлинь, Забияко А.П. Петроглифы Северо-Восточного Китая в контексте социальной и религиозной истории региона // Религиоведение. 2012. № 4. С. 3–19.

2. Забияко А.П., Ван Цзяньлинь. Петроглифы Северо-Восточного Китая: наскальные рисунки Тяньшулинь // Религиоведение. 2014. № 1. С. 3–15.

3. Забияко А.П., Ван Цзяньлинь. Петроглифы Северо-Восточного Китая: наскальные рисунки Дунмацзуншань // Религиоведение. 2014. № 2. С. 3–13.

Монография:

4. Забияко А.П., Ван Цзяньлинь. Наскальные изображения Северо-Восточного Китая. Благовещенск: Издательство АмГУ, 2015. – 310 с.

Другие публикации:

5. Ван Цзяньлинь. Изучение китайскими учеными петроглифов в Северо-Восточном Китае // Сборник материалов конференции преподавателей и студентов (Часть I). Благовещенск: Издательство БГПУ. 2012. С. 85–88.

6. Ван Цзяньлинь. Древняя религиозная культура и искусство в Северо-Восточном Китае. Петроглифы Сяньжэньдун // Современные проблемы взаимодействия языков и культур: Сборник докладов международного форума (Часть I). – Благовещенск: Издательство АмГУ. 2012. С. 42–44.

7. Ван Цзяньлинь. Петроглифы Северо-Восточного Китая как объекты научного туризма // Россия и Китай на дальневосточных рубежах (Вып. 10). – Благовещенск: Издательство АмГУ. 2013. С. 150–154.

8. Ван Цзяньлинь. Основные результаты изучения петроглифов Цюньли бассейна р. Муданьцзян // Бюллетень по изучению международной

ассоциации истории культурных обменов. Далянь: Центр по изучению истории Северо-Восточного Китая Даляньского университета. 2013. №3. С. 39–42. *(на китайском языке)*

9. Ван Цзяньлинь, Забияко А.П. Петроглифы Анянни (Северо-Восточный Китай) // Традиционная культура востока Азии (Выпуск 7). – Благовещенск: Издательство АмГУ. 2014. С.46–65.

10. Ван Цзяньлинь, Забияко А.П. Петроглифы пещеры Гасяньдун // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы II Международной научной конференции. Под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 116–212.